

СВЯТОЙ АНТОНИЙ

- и смерть - и дружба - и
любовь -

Алексей Бородкин

Алексей Петрович Бородкин

СВЯТОЙ АНТОНИЙ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29175353

SelfPub; 2018

Аннотация

Недалёкое будущее. Россия. Интернет удалось "обуздать" и "приручить". Социальные сети и мессенджеры под контролем. Электронная почта перлюстрируется. Мобильный телефон не гарантирует приватности. Неожиданным образом возродилась давно забытая профессия – курьер. Беринг работает курьером. Работа низкооплачиваемая, нудная. Как говорят, для дебилов. Однако всё не так просто. Обстоятельства закручиваются таким образом, что Беринг сам становится посылкой. Курьер и посылка в одном флаконе. Как отделить одно от другого?

Содержание

Часть 1.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Часть 1.

Под ногой хрустнула случайная ветка. Беринг вздрогнул и резко обернулся. Никого. Пусто до самого перекрёстка.

Он никогда не бывал в этом районе. И даже не подозревал, что подобные места существуют в его родном городе.

Это не трущобы, нет – ничего подобного. Более всего, эти ряды кирпичных трёхэтажек напоминали... игру в песочнице. (Сравнение понравилось, и Беринг улыбнулся.) Будто ребёнок лет пяти или шести смочил водою песок (вполне возможно из своего "краника"), затем насыпал из этого кирпичного (местами серого) материала холм. Прихлопал пластиковой лопаткой, выровнял, затёр все ямки и неровности, подрезал борта. Получился брикет "сливочного масла" длиной в квартал.

Хлопнула дверь, на заднем дворе показался мужик в белой майке, подтяжках и тапочках. Швырнул в мусорный бак пакет и закурил. Закурил прямо у мусорки. Курил с истеричной поспешностью, втягивая в себя дым и сигарету. Беринг опустил глаза и сделал вид, что ничего не видел. По опыту знал, что лучше на такие сцены не пялиться.

"Брикет получился отличный. Просто замечательный, – фантазировал Беринг. – И увидел творец, что это хорошо.

И был вечер, и было утро. День второй: мальчишка разделил песочную "колбасу" на ровные однообразные гексаэдры... это такие геометрические фигуры, как прямоугольники, только в объёме. И увидел, малец, что это не хорошо и потерял к своей "постройке" всяческий интерес... Хорошо хоть не растоптал".

На этих домах не было балконов, не было резных аркад, или портиков, или колонн. Из украшений присутствовали только маленькие жестяные навесы над входными дверями. И вполне возможно Беринг оказался прав: архитектору не понравилась его работа.

Один из "зазоров" между домами был шире остальных. Беринг заглянул в эту щель и понял, что добрался до цели пути. Он не увидел номера дома или какого-то особого знака – просто понял. Чутьё подсказало. Чуйка в его работе значила многое.

Одноэтажный бревенчатый дом, высокий каменный цоколь, окрашенный голубой "жизнерадостной" краской. В цоколе прорезано арочное оконце (в те былинные времена, когда строилась эта хибара, заботились о красоте). На окне кованая решетка, на решетке – сумка-авоська. "Болтается, как пиратский флаг". Беринг впервые увидел подобного рода сумку, но сразу узнал её – мать рассказывала, когда была жива.

Беринг наклонился и постучал в стекло. Через некоторое

время в глубине жилища мелькнула тень, и водянистые глаза рыбы "всплыли к поверхности". Рыба смотрела не более секунды, кивнула и сделала пальцами знак: "Скоро буду. Не суетись".

– Куда пойдём? – спросил Беринг.

"Рыба" равнодушно пожал плечами. Мол, тебе нужно ты и решай. Он явно не стремился к беседе.

– Обычно ты, где бухаешь? – забросил удочку Беринг, и оказался прав – Рыба оживился.

– По-разному. Если с бабками подсос, то дома, с соседом. – Рыба громко икнул и с опозданием прикрыл рот ладонью. – А если при деньгах то иду к "Дюше".

– Пошли, – сказал Беринг, не уточняя куда.

"Дюша" оказалась пивной разлиухой в двух кварталах на север, почти уже в пригороде. Над входом заведения висела табличка "Чуткий кавалер". Когда-то здесь торговали парфюмерией, и владелец магазина таким изысканным названием стимулировал мужчин делать покупки. Потом в магазине произошёл революционно-эндогенный ребрендинг: вместо множества стоек с разнообразными флаконами установили одну стойку с рядом однообразных разливных "гусак", пространство зала наполнили духовным содержанием – столиками и стульями.

Дела пошли бойчее.

Значительно.

Беринг спросил, почему "Дюша"?

– Всё просто, – ответил Рыба и запустил губы в кружку

Пил долго... бесконечно долго... закрыв глаза и постанывая от блаженства. Так, вероятно, пьёт старая лошадь стоя у колодца. Надеюсь, что день скоро закончится, и не нужно будет идти на работу.

Противнее всего в Рыбе, в этом... слово "человек" застрекает на языке, когда я пытаюсь применить его к этому потрёпанному, засаленному... человеку. Всё же человеку.

Запах. Хуже всего был запах. Смесь давно немытого немолодого тела вкупе со вчерашним (позавчерашним, поза-позавчерашним и так далее до бесконечности) перегаром.

Я хлебнул сразу полкружки, надеюсь, что хмель отобьёт обоняние. Так и получилось: остальные несущественные запахи отошли на задний план, мой нос примирился с действительностью.

– Так почему, "Дюша"? – повторил вопрос.

– Бэкроним. Два слога: "дю" и "ша". Дю – душевный. Ша – шевалье. Смекаешь? Нет? Херово. Ты, парень, туповат. – Он жеманно нахмурился. После первой кружки его здоровье (после вчерашнего) значительно поправилось. – Душевный, это какой?

Я пожал плечами: – Какой?

– Душевный, это чуткий.

– Я понял. Шевалье – это рыцарь.

– Вот именно. Всё просто.

Рыба мелко засмеялся, похрюкивая и потряхивая засаленными кудряшками. Удивительное дело, вся передняя половина его головы была лыса, словно коленка буддистского монаха. А с "пояска" на затылке свисали длинные густые чёрные кудряшки без малейших признаков седины. Будто Господь погладил его по голове всемогущей своей рукой, и сдвинул волосы назад.

Рыба заявил, что в этой дыре подают отличное пиво. Стряхнул со щеки (со щетины) пену и сказал, что настала очередь рассказывать Берингу. То есть мне.

– Откровенность за откровенность. Мою лав-стори ты уже слышал, иначе бы не пришел. Давай послушаем твою. Что? Тебя он тоже поймел?

– Нет... Не думаю... – быстро ответил я и засомневался: "Необычная точка зрения. Под таким ракурсом я не рассматривал наши отношения". – Очень надеюсь, что нет.

– Понимаю, – подмигнул Рыба. – Начинай исповедоваться, сын мой.

Не в моих правилах чесать языком. Не в моих. И вообще по жизни, и тем более за свою работу – таким уж я уродился. Помните песню: "Уж таким я на свет народился, уж таким меня мать родила"? Не помните? Ну и ладно, не страшно. Не многое вы потеряли.

Я не болтун, но лишь только я услышал предложение рас-

сказать свою историю – дьявольский огонёк зажегся внутри меня.

Поделиться... честнее сказать, выплеснуть накопившуюся гниль... Едва я понял, что такое возможно, как в тот же миг твердо знал – меня теперь не остановить. Это как самосвал с песком (кажется, я уже что-то говорил о песке?). Если кузов поднят, и масса скользнула вниз, она вывалится в любом случае. Хотите вы этого или нет. Сила тяжести позаботится.

"Лучше ему, чем кому-то другому", – подумал практично.

Исподтишка прощупал Рыбу глазами. Внимательно прощупал. И клянусь, в этот момент я почти любил его. Его потрёпанное пальтишко, морщинистое лицо, засаленный ворот рубахи и ухмылку. Что там ухмылку, даже – вы не поверите! – его запах казался мне приемлемым.

"Ему я могу исповедоваться, – подумал. – Такому чудиле вряд ли кто-то поверит. – Вот за что я любил его. – Даже если он растрезвонит мою историю по всему Белому Свету".

– Давай парень! Это, как в сексе, больно только в первый раз. Потом тебе понравится, и ты даже поймаешь кайф. Думаешь, откуда берутся мазохисты? – Он хихикнул. – Это мы с тобой.

– Пошел ты!

– Ага, – согласился он. – Выступаю немедленно. Авангард с арьергардом поставлю в известность. Предупрежу командиров генерального штаба. Ха-ха. Разве ты не за этим при-

шел?

Надо отдать ему должное, соображал он неплохо. Даже с учётом многомесячного беспробудного пьянства.

Из заднего кармана Рыба извлёк фляжку, плеснул в мою кружку несколько капель прозрачной жидкости. Столько же влил себе.

– Что это?

– Очищенный ацетон. Медицинский. Расслабляет мышцы, обостряет ум.

Я сказал, что не буду пить эту дрянь.

– Как хочешь, – ответил он равнодушно.

– Ладно, слушай... это случилось на третьей или четвёртой доставке... не помню точно...

...Пришлось потереть лоб и напрячься, но я так и не вспомнил. Детали начинали ускользать из памяти. Рыба сказал, что это нормально и не критично: "Излагай суть, детали проявятся позже. Так всегда бывает".

– Суть, – повторил я и задумался. – Суть в том, что на той доставке заказчик пожелал встретиться в ресторане "Гранд Будапешт". Эта кашеварня, ты наверняка знаешь, расположена в самом центре Сити. На пересечении улицы Магомедова и Коммунистического проспекта. Неслабо, правда?

Рыба согласно кивнул, заметил, что в "Гранд Будапеште" замечательно готовят куриный паприкаш. "Готовили, во всяком случае. И гуляш у них неплох. По-венгерски. Если запивать его минеральной водой".

Хм... оказывается, он не всегда был алкоголиком. Впрочем, чего я ожидал? Когда-то он был ведущим инженером, почти пророком... но обо всё по порядку.

– Гуляш-муляш-паприкаш... я ничего этого не попробовал.

В голове постепенно просыпались картины той доставки. Появлялись детали. Как будто оператор подкручивал объектив, и размытое изображение становилось чётким. Я почувствовал волнение, словно мне вновь предстояло войти в пурпурный зал этого ресторана.

Ослабил ворот.

– Идея мне сразу показалась бредовой. Как можно спрятаться в таком людном месте? Как можно остаться незамеченным? Притом, у меня и костюма-то приличного не было, понимаешь, о чём я? Но что мне было делать? Желание клиента – закон. Погладил рубашку, постирал джинсы, почистил зубы, и пошел.

– Понимаю. Это, как выписка из "Правил жизни для супергероев": корреспонденция должна быть доставлена любой ценой. Даже ценой собственной жизни.

Я попросил его не молоть чепуху, а потом согласился, сказал, что Рыба прав. Прибавил, что мне больше нравятся наши старые "несупер герои". Например, Д'Артаньян: "Один за всех и все за одного!"

Рыба рассмеялся и ответил, что это потому, что я работаю один.

– Одиночка! Когда работаешь в коллективе, лучше придерживаться другого правила: или ты его, или он тебя.

– Как крысы?

– Как волки, – исправил Рыба и попросил продолжать.

– Оделся-причесался, даже одеколоном пшикнулся... забежал в супермаркет, попользовал французский пробник.

Речь зашла о парфюмерии, и я невольно оглянулся, попытался представить каково здесь было раньше, в этой пивнушке? В витринах вспыхивали разноцветные огни, профессионально улыбались модели. Ходили дамы в мехах, и девушки-сотрудницы в красивых передничках порхали, как бабочки: "Вам помочь? Желаете выбрать? В этом сезоне популярны цветочные ароматы, но для вас они слишком легковесны. Попробуйте вот этот парфюм, в нём доминирует нотка сандала!"

"Вот мне и засандалили по самые гланды".

– ...Метрдетелю "Будапешта" наврал, будто я брат посудомойки, что иду на кухню – он впустил, хоть и гундосил про чёрный ход. Сложнее, оказалось, справиться с распорядителем зала. Ему я открыто сообщил, что мне назначена встреча с Александром Грассом. Так звали моего получателя. Пингвин-распорядитель долго мурыжил, задавал вопросы: "Да что? Да зачем? Да как же так?"

"Как такое возможно, чтобы – распорядитель закатывал

подведённые глазки, – Александр Грасс знался с таким... как вы?"

"Хочешь сказать, с таким оборванцем?" – Мне захотелось двинуть ему в челюсть. Я давно отработал этот удар: нужно приблизиться вплотную и коротко поддать раскрытой ладонью, тогда не останется следов и на камерах не будет понятно, что произошло.

Наконец, распорядитель прошел в зал, "дабы лично осведомиться у дорогого многоуважаемого господина Грасса действительно ли он ожидает не совсем респектабельного молодого человека".

Грасс мне сразу понравился. Быстро соображает мужик. Он бросил на меня всего один взгляд, и через секунду врал распорядителю напрапалую. Сказал, что я – бригадир команды скаутов, в которой состоит его дочь. Сообщил "по секрету", что я "матёрый специалист" – так он выразился, – и посоветовал извиниться, если распорядитель меня чем-то обидел.

"Не советую задевать этого парня. Он крут!"

Услышав такую рекомендацию, распорядитель завял, как осенний капуцин, вздыхал так, будто ему оттоптали ласты. Провёл меня в зал, усадил, придвинул стул, помог заложить салфетку, спросил, комфортно ли моей попке? Щелчком пальца призвал ко мне официанта... Жополиз.

Когда официант удалился (оставив передо мной блюдо

размерами с половину футбольного поля), Грасс спросил, как мне показалась его шутка?

"Я решил, что быть мастером бойскаутов не так уж и печально. Кроме того, это надёжное прикрытие. Зачем прятать то, что утаить невозможно? Такие вещи нужно выставлять напоказ. Это моё жизненное правило".

Я не согласился, однако сказать ему об этом не решился. Просто подумал, что парень слишком задаётся, и долго он не протянет. Так и получилось: Грасса задушили кевларовой нитью – голову почти отрезало, она болталась на позвоночном столбе, как кегля болтается в пустом ведре. Жуткое зрелище.

Но это случилось много позже, а пока я сидел напротив весёлого жизнерадостного мужика с красиво уложенной шевелюрой. Торопился съесть как можно больше. Не каждый день курьера угощают в "Будапеште".

"Принесли?" – спросил Грасс.

Я потянулся к потайному карману – Грасс взглядом остановил меня. Он демонстративно взял салфетку, медленно вытер руки и положил её, смятую, на стол. Хитрец, он хотел, чтоб я сделал то же самое, только моя салфетка должна была лечь рядом с флешкой внутри. Минуты три я жевал, напустив на себя беспечный вид, и даже икнул, для правдоподобности. Потом взял салфетку, незаметно вынул из кармана флешку. Оставались сущие пустяки: сунуть малышку в салфетку и положить "пакет" на стол.

"Не надо! – сдавленно прошептал Грасс. – Кажется, у нас проблемы".

Пока я возился с салфеткой, ситуация круто переменялась.

Распорядитель зала возмущённо кудахтал, пытаясь сдержать у входа двух полицейских. Один из этой парочки был в штатском, но кобура под мышкой и начищенные тупоносые ботинки наглядно демонстрировала профессию. Распорядитель старался изо всех сил, елозил на пупе, но два копа с пушками это вам не мальчик-курьер в потёртых джинсах.

Признаюсь, я запаниковал.

"Надеюсь, для таких случаев у вас предусмотрена процедура?" – беззаботно спросил Грасс.

Он держался молодцом. Ни улыбка, ни поза, ни оттопыренный мизинчик – ничего не изменилось. Картина маслом: "Сытый господин столуется в своё удовольствие и ему плевать на весь остальной Мир. Бабки в биткоианах, полиция прикормлена, в церкви стоит персональная свечка. Неугасимая, как вечный огонь."

Только в глазах появилась тревога.

Процедура? Кажется да. Процедура существовала.

Второе правило курьера гласило: "Если корреспонденция не может быть доставлена, она должна быть уничтожена".

Флешку можно сжечь, разбить молотком, утопить, окунуть в кислоту. В моём случае – проглотить. Не скажу, что этот метод лучший – ради информации курьера могут "вспо-

рот", как плюшевого мишку... Такие случаи мне известны.

Но вы же не станете меня упрекать, что я не сорвал с Грасса его дорогуший ботинок и не начал лупить им по флешке прямо в обеденном зале?

Я сунул флешку в рот и, – вот, дрянь! – она прилипла к пересошему горлу, как дерьмо прилипает к рифлёной подошве гриндерсов.

Подумал, что сдохну от удушья прямо здесь и сейчас, под продолжительные аплодисменты двух копов и восторженные взгляды полусотни жующих зрителей.

"Ах, молодёжь, молодёжь!" – промолвил Грасс.

Он действовал решительно: налил в бокал вина и подал мне. Я выплеснул жидкость в глотку, и проклятая флешка провалилась в желудок. Грасс потрепал меня по щеке, и порекомендовал не торопиться: "Прожёвывайте тщательнее, мой друг, иначе команда бойскаутов останется без своего наставника".

Далее Грасс "расписал симфонию по нотам" – так говорит один мой приятель. Вернее, говорил.

Распорядитель подвел полицейских, извинился за "вторжение". Копы предъявили ордер на обыск: "Господин Грасс, у нас есть сведения, что этот молодой человек должен передать вам информацию, запрещённую к распространению!" – стандартная формулировка и стандартная процедура: руки

на стол, ноги расставить. Сканер и бесконечно долгие секунды позора.

Раньше так досматривали только в аэропорту. Перед посадкой в самолёт.

Меня много раз обыскивали, и всякий раз я чувствовал себя голым на приёме у проктолога. Напрягаешься и ждёшь... вот-вот... сейчас... ещё мгновение, и плоский металлический сканер вторгнется в прямую кишку, как айсберг борт "Титаника".

Грасс оставался самим собой: "Show must go on!" Он выдернул из-за ворота салфетку, шлёпнул ею прямо в соус, так что брызги разлетелись по сторонам, и всем окружающим стало понятно: полицейские творят беспредел. Широко расставив ноги, он напряг бычью шею. В это мгновение Грасс походил на минотавра.

"Чисто!" – показал сканер, и коп в штатском обратился ко мне: "Твоя очередь!"

Я попытался возразить, что в ордере нет моей фамилии, на что получил ответ (не менее стандартный, чем сам ордер), что я законопослушный гражданин, и искренно ЖЕЛАЮ содействовать правосудию.

"О каком правосудии речь?" – повис вопрос.

С момента принятия "Закона о перлюстрациях" многое изменилось. Изменилось сами понятия "вторжения" и "приватности". Где она теперь, эта самая приватность? Ответ

один: в ж... (Если вы думаете, что я говорю о ЖЖ, то вы ошибаетесь. Одна буква лишняя.)

Е-мэйлы, мессенджи, посты, чаты, фотки, гифки, видео – всё просматривается и проверяется. В офисе на вас смотрит корпоративная камера (видеопоток идёт напрямиком в Сеть), в квартире – камера соседа-параноика.

Интернет трафик под колпаком. Он отслеживается, фильтруется и классифицируется. Если вы чем-то заинтересовали правоохранителей (я говорю о поведении в Сети), автоматически формируется отчёт. Он же – запрос. Опытный психолог анализирует этот отчёт (о посещаемых вами сайтах) и ставит диагноз, даже не представляя, какой формы у вас нос и какого цвета глаза. В реале, вас как бы не существует. За вас говорят нули и единицы – эти новые Пророки двадцать первого века.

"Скажи мне адрес своего любимого сайта, и я скажу кто ты". Так утверждает один мой знакомый. Вернее, утверждал.

Однако я отвлёкся.

Меня просканировали, обнаружили немного: в кроссовках антикражку, тремор в пальцах, дыру в кармане и туман в мозгу. Полицейские пожелали мне приятного аппетита, и отчалили. Мелочью вроде ворованных кроссовок эти ребята не занимались.

"Изуродовали обед!" – громко произнёс Грасс. Копы даже

не обернулись.

Распорядитель прислал бутылочку вина: "Шардоне, 1968 года". "Дабы сгладить некоторое неприятное впечатление от незапланированного визита", – так он сказал. Я усмехнулся: назвать это неприятным незапланированным визитом всё равно, что посчитать авиакатастрофу падением с несущественной высоты.

Грасс, очевидно, разделял моё настроение. Он послал распорядителя. Простым русским словом. Так и сказал: "Пропади ты пропадом, со своим вином". Заткнул за ворот свежую салфетку, едва не оторвав пуговицу. Громко окликнул: "Челаэк!"

На моих глазах происходила трансформация: утончённый господин (почти француз) Александр Грасс становился русским помещиком. Или даже купцом. Широким, крепким, лохматым. Кто-то может сказать, что произошла деградация, я бы назвал сие превращение возвращением к истокам. Лигатура фальшивой "культурности" сползла с мужика, как лягушачья шкурка с Царевны.

Вечеринка переставала быть томной. Я ожидал, что на подобный грубый зов появится вышибала в строгом английском костюме. С тяжёлым ирландским подбородком и сломанным носом боксёра-тяжеловеса. Однако ничего подобного не произошло. Вместо боксёра появился официант (которого Грасс называл половым) и который, выгнув по-лебединому шею, принял балетную "стойку" у нашего столика:

"Чего желаете-с?"

"Водки подай! – приказал Грасс. – Штоф. Но не этой дрянной... не "Абсолюта" вашего... нормальная водка у вас есть? Русская?"

"Пшеничная, столичная, на бруньках хохляцкая? Или Смирновскую изволите? Номер двадцать один?"

"Валяй! – размашисто согласился Грасс, оставляя выбор половому. – Грибов маринованных, икры и блинов пусть пожарят. Моментально!"

Шея полового пришла в волнообразное (совершенно противоестественное движение). Он будто бы напрочь утратил хребет и всякие остальные кости.

"На опосля блиночков чем закусывать будете? Мороженку, пироженку или желей фруктовый изволите? Шартрёз, может быть... или отечественным ликёром расставание смажете?"

"Кой чёрт шартрёз? Тоже выдумал... Листовки может быть, выпью... наверное... После решу, – пробормотал Грасс, а потом придал половому решимости: – Пшел вон!"

Половой расплылся в улыбке и, с благодарностью, испарился.

"Сколько столетий давим из себя рабов, – произнёс Грасс в мою сторону, однако ко мне не обращаясь, – а всё они занимают большую часть нашей души. – Он сфокусировал взгляд на мне. – Видел, как расстарался? Мелким бесом рассыпался. Барина почувствовал, холоп".

Спросил, почему я побледнел.

"Ты выглядишь напуганным".

"Напуганным? Да я просто в штаны навалил", – признался я и попросил выпить.

Когда принесли штоф Смирновской, я влил в себя рюмок пять, прежде чем смог встать и добраться до выхода без посторонней помощи.

Нервная, однако, работёнка.

"Закон о перлюстрациях" неожиданным образом изменил Интернет.

Мастер Ма-цзы говорил: "Бурный весенний поток не может ждать, когда впереди появится русло. Он сам его прокладывает".

Так получилось и в Сети. Когда электронные письма стали перлюстрировать, люди вернулись к прежнему (почти забытому) способу передачи информации: курьерам. Нет, гусяные перья и чернильницы не вернулись в обиход, просто ценную информацию стали передавать со мной. Или с каким-то другим курьером. Моим коллегой.

Следующие несколько месяцев прошли относительно спокойно. Я работал дважды в неделю. Этого давало достаточно средств для существования и немудрящих развлечений, типа, кино, бутылки пива или бумажной книги.

Разрабатывал приспособление для уничтожения флешек.

В маленькую стальную коробочку запечатывал послание, туда же запускал газ (из баллончика для зажигалок). В случае опасности предполагалось зажечь фитиль, который, в свою очередь, поджигал газ.

На кухне это устройство срабатывало прекрасно. Эффектно хлопало и выплёскивало маленькое облачко синего огня, как в индийском кинофильме.

Этими тренировками я повышал свой профессиональный уровень. Как пишут на обложках журналов: "Становись профессионалом". Я становился.

Появился гончий интерес: больше доставок, изошрённое приёмы, циничнее методы и манеры. Один раз доставлял корреспонденцию на закрытый завод, разработал целый план с переодеванием, фальшивым пропуском, доставкой пиццы и прочей хернёй. Смех. "Миссия невыполнима" да и только. А я – Том Круз – играю спектакль в Театре Одного Нелепого Актёра.

Позже выяснилось, что я только казался самому себе профессионалом. Бледная тень профи.

А знаете почему? Потому что профессионал работает злее. Он не отвлекается на сантименты.

"Позади тебя должны оставаться друзья и трупы", – так говорит мой знакомый. Говорил.

Пятничным вечером взялся доставить посылку в "Китчен Аид". Название придумал кто-то в Сети. Майкл Гарус или

какой-то другой топовый тролль из банды Северного Лося (не скажу точнее). В прежние годы этот квартал назывался "Черёмушки".

Согласитесь, "Китчен Аид" звучит выразительнее. Какие черёмухи? Откуда? Когда это было? Даже если они и чахли здесь в прошлом веке, всё давно уже вырубил. Газоны закатали асфальтом и поставили интерактивные билборды. (Мне нравятся эти штуки. Они умные. Если вы улыбаетесь, он улыбается в ответ, а если он увидит на ваших брюках выпирающий холм, такой билборд обязательно покажет порнуху.)

В начале прошлого века американцы выпускали кухонную технику "Kitchen Aid". Всякие мясорубки-комбайны-кофемолки. Это я так... к слову. Гениальные, видимо, были ребята. Предугадали. Жаль не дотумкали писать название по-русски.

Квартальчик тот ещё: шлюхи, бомжи, наркоманы. Все те, чья "виртуальная реальность" не подчиняется операционной системе Андроид. Тут "процессорами" управляет старый добрый героин.

Сумерки сгустились настолько, что персонажи угадывались только контурами. Перемещались, как призраки в Ночь Всех Святых. С одной стороны улицы горели красные фонари – здесь охотились проститутки. С другой (из черноты) светились глаза обитателей.

Я накинул на голову капюшон и пошел.

"Курьер должен быть незаметен" – это четвертое правило. Или пятое... не помню точно... Однако оно, по любому, из первой десятки.

"Уши и глаза должны быть открыты всегда, при любых обстоятельствах" – этот закон следующий. По очереди, но не по значению.

Двигаюсь, слежу за обстановкой, как капитан Титаренко за воздушным боем. Помните фильм "В бой идут одни старики"? Нет? Напрасно. Я смотрел его дважды.

Вдоль строений, сливаясь со стеной, идёт кто-то ещё. Следом за мной. Кто-то чужой. Хотелось бы добавить "недобрый", но это пустое – других здесь не бывает.

"Хвост?" Очень может быть. Не хотелось бы.

Я "нарезал" лишний круг вокруг квартала, заглянул в навигатор – полагаю, это стало ошибкой. Экран осветил мне лицо. Враг тоже его рассмотрел.

Оказалось, я почти на месте. До адресата рукой подать: в арку, через двор и на третий этаж...

Идти сейчас? Или выждать?

И первое и второе равноценно опасно.

Сжимаю в руке нож (сердце колотится чаще). Решаю зайти в арку: "А если кто-то сунется – его печаль. Зарежу".

...А вы думаете, за что мне платят деньги?

На арке, на самом верху дуги – это последнее, что запомнилось отчётливо – лепной купидончик. Какой-то остряк разукрасил его гипсовые гениталии красным маркером, но это не испортило скульптуру. Озорной кучерявый мальчонка, в кудряшках. Милый...

Шаг в арку. Удар. Я чувствую, что лечу куда-то в бок, цепляюсь за асфальт пальцами, сдирая кожу. В глазах алые искры. Ещё один удар, теперь ногой. По рёбрам. И ещё...

Бьют точно. Прицельно. Профессионалы. В очках ночного видения. Впрочем, эти нюансы я сообразил позднее, а в тот момент решил, что эту боль мне не пережить. Она разворотит мне грудную клетку, как банку вспаривает консервный нож.

Передышка.

О чём-то тихо переговариваются.

"Мама! Как больно! Как нестерпимо больно!"

Смешок. Потешаются надо мной. Над тем, как я корячусь.

"Полиция? Не может быть... слишком долго меня "пасли". Или они тоже меняет методы?"

Вспомнил о флешке. "Как я её проглочу?" Осторожно потянулся к потайному карману – в лицо влетел ботинок.

Хрустнула кость, будто сдавили пластиковую бутылку. По асфальту полетели кровавые сопли. Я даже удивился: темень вокруг непроглядная, а кровавые брызги замечательно видны. Блестят, будто драгоценные камни.

"Не ёрзай, сука!" – подал голос один из них.

Если были бы силы, я бы рассмеялся. Не ёрзай! И хотел бы поёрзать, да не могу.

"Наше дело простое: ты отдаёшь посылку".

"А если нет?" – спрашиваю.

"Тогда ломаем хребет и забираем посылку". Смешок.

Я захрипел, будто совсем плох. Харкнул мокротой. Лежу, притих. Надеюсь, что отдышусь и рвану на улицу. Там светлее, там мы почти на равных.

Эти двое посмеиваются:

"Давай-давай, похрюкай. Вдыхай носом, выдыхай ртом. Береги здоровье".

Не торопятся.

Я вроде чуть-чуть очухался, приподнялся на карачки. Собрался, напряжился, и только хотел бежать – ближний меня подсечкой свалил. Руки по крови прекрасно скользнули. Плюхнулся носом.

"Ах ты, гнида! Ты ещё рыпаешься!" – вдвоём подхватили меня за руки за ноги, вглубь двора зашвырнули. Упал на капот машины. Звук получился металлический.

Далее помню урывками.

Сигнализация заорала... должна была заорать, но я этого не слышал. Чувствовал спиной вибрацию и... и время будто затормозилось. Стало тепло, приятно. По ногам потекло. Показалось, что я кино смотрю, только ракурс какой-то странный: небо серое, облака, осколок луны грозит острым краем,

как сломанное ребро торчит из брюшины. Две физиономии надо мной склонились. Голоса ватные, словно сквозь слой воды.

"Живой?"

"Живучий, как кошка!"

В углу кадра показался нож. Не мой, этих ребят.

Я совсем не испугался, просто сообразил, что доживаю последние свои мгновения.

Обидно стало до слёз. Не потому, что гибну, а что вот так... в подворотне. Как собака.

Вдруг хлопнула рама, и резкий голос:

"Вы что творите, отморозки? Это моя машина!"

Смешок, и ответная реплика: "Сперва захлопни пасть, а потом окно своего грёбанного дома. Тебя это не касается!"

Парочка опять повернулась ко мне.

"Разве я возражаю?"

Говорившего я не видел, его голос доносился сверху, с небес. Складывалось впечатление, что с моими убийцами беседует Бог. В какой-то степени так и оказалось.

"Не обижайтесь, пацаны! Я только хотел сказать, что это моя машина. И это мой квартал".

Резко застрекотал автомат.

Тот, что стоял с ножом, дёрнулся и повалился на меня. Я сразу понял, что он убит – глаза поблекли, будто предохранитель сгорел. Второй успел отпрыгнуть, упал на колено, по-

пытался укрыться за машиной. Я заглянул в его лицо. Выражение удивлённое, обиженное и немного... детское что ли? Будто он увидел огромный рождественский подарок и умер, переполняемый счастьем – пуля разворотила ему череп.

Кто-то спихнул с меня мертвое тело, несколько раз хлестанул по щекам. Боли я не почувствовал, но попытался поднять руку, чтоб заслониться. Не смог.

Вокруг суетились люди: быстро унесли жмуриков, меня подняли с капота, поставили на ноги. Позади вспыхнули фары, зарокотал двигатель. Потом – этот "удар молотом" я запомнил! – мне сунули под нос пузырьрёк с нашатырём.

Я вздрогнул, услышал гул в ушах, и увидел, что Мир вокруг меня завертелся с прежней скоростью. Даже быстрее.

"Давай флешку, курьер! – Высокий мужчина с автоматом УЗИ на ремне протягивал руку. – Торопись! Копы будут здесь с минуты на минуту".

"Кто вы?" – спросил я. Вернее, прошептал (если звук вообще-то сорвался с губ).

Мне нужно было услышать кодовое слово, убедиться, что это точно мой получатель.

Мужчина не ответил.

"Да ты совсем плох, парень".

Он оглянулся, выискивая кого-то глазами. Окликнул: "Лев Андреевич! Бросьте этого недоноска! Если он жив, то всё одно сдохнет!"

Речь шла о моих "убийцах".

"Осмотрите парня, – это уже про меня. – Ему здорово досталось".

На какое-то время я отключился – провалился в серую обволакивающую вату, а когда очнулся, обнаружил себя абсолютно голым. На больничном столе, на зябкой липкой клеенке. Лев Андреевич стоял рядом, перелистывал в планшете странички. Наверное, что-то искал – палец "отматывал" резко и часто.

"Доктор!" – подумал я с блаженной радостью спасённого идиота. Почувствовал, что замёрз, как цуцик.

"Очнулся?" – Лев Андреевич обратил на меня внимание. Его совсем не тяготила моя нагота.

"Привык видеть пациентов голыми, – понял я. Засомневался: – Быть может, покойников?"

Уточнить не решился. "Голая" правда иногда значительно хуже, чем прилично одетая сволочь (ложь).

Доктор сказал, что мне нужно полежать ещё пару часиков. Передохнуть. Сказал, что ушибов на мне, как "блох на бродячей собаке" – мне понравилось это выражение. "Из переломов только два ребра. И это можно считать большим везением".

Лев Андреевич напоминал большую умную добрую лягушку. Чем? Лысой головой, выпуклыми глазами и широким ртом. Когда он говорил про везение, уголки рта разбежались до самых ушей.

"Если побережешься, – прибавил док, – недельки через две будешь, как новенький. Только к стоматологу сходи. Восполни утраты зубов железом и фарфором".

Я понял, что он шутит и подал знак, мол, оценил шутку. Улыбнуться у меня в тот момент не получилось – что-то повредилось в голове. Нерв защемило или ещё что... Это прошло через некоторое время.

Спросил про флешку.

От стены отделился здоровяк (оказывается, всё это время он стоял рядом), ответил, что почти он уже забрал.

"На будущее, парень. Сделай тайник в ботинке. Ботинок, в случае опасности легче всего "потерять". Лучше его, чем жизнь, ты согласен?"

Я хотел возразить, и даже открыл рот, но мужчина вышел из комнаты. Ему было на меня плевать (если говорить откровенно), и этот совет – просто дань вежливости.

"Мы не теряем от корреспонденции, – мысленно проговорил я. – В случае опасности мы её уничтожаем".

Будто услышав мои мысли, Лев Андреевич поднял рентгеновский снимок и ещё раз его просмотрел. Спросил, чем я питаюсь в последнее время?

Я удивился такому вопросу. Ответил, что меню не меняется уже несколько лет: макароны, жареные яйца, кефир... листья салата люблю пожевать... оливки. Если повезёт, перехвачу бургер или кусок пиццы.

"А что?"

"У тебя в желудке какое-то уплотнение, – ответил доктор. – Не думаю, что это опасно. Не волнуйся".

Из ящика стола он вынул блистер таблеток, протянул мне. Сказал, что это слабительное.

"Очень сильное слабительное. Когда с рёбрами станет полегче, прими сразу три таблетки и выпей пару стаканов воды".

Док опять улыбнулся, и я опять разглядел добродушную лупоглазую лягушку. Она предупредила, что лучше "исполнить магическое очищение" утром, и на этот день ничего не планировать. "Кроме общения с унитазом".

Следующие две недели я провёл на диване. Имел на это моральное право – мои рёбра ныли и стонали, как старая раздолбанная фальшь-труба на каком-нибудь недозатопленном буксире или сухогрузе. Это если говорить фигурально. Если обратится к практике, то хуже всего было чихать. Из глаз ментально летели слёзы, дыхание обрывалось, а перед глазами танцевали разноцветные (преимущественно алые) зайчики. Исполняли, мерзавцы, своё плейбойское болеро.

И всё же, это было блаженное время! Я поднимался с дивана только затем, чтобы купить еды или забрать из ящика бесплатную газету. Нет-нет, газет я не читаю (собственно, в этой газетке нечего и читать), я просматривал объявления.

Когда наша курьерская служба только образовалась, "общий сбор" (так это называлось) "трубили" в Интернете. Для

этого на сайте знакомств выходило объявление, что вдова приличной наружности желает обрести семейный покой в виде молодого и перспективного супруга, обладающего завидным достоинством, плюс имением на Гавайях и доходом от мыловаренного завода в Подольске. (Шучу.)

Потом руководство компании решило, что это небезопасно: можно отследить хостинг сайта и IP-адреса посетителей. Вспомнили о старом добром дедовском способе – о газете объявлений (почти, к тому времени, обанкротившейся). Надо признать, что этот канал информации сугубо односторонний и обнаружить читателей практически невозможно.

Время от времени некто Стравински давал объявление... любого содержания. Важна была фамилия. Как только она появлялась – для курьеров это служило сигналом. Надлежало в одиннадцать часов утра следующего понедельника явиться в контору.

Есть такой пошловатый анекдот о мужике с расстройством желудка. Возможно вы его слышали. Он (мужик) явился к доктору и рассказал о своей небольшой огромной проблеме: "Не могу остановиться!" Недолго думая, доктор приказал спустить штаны и нагнуться. Мужчина с радостью выполнил указание – многодневное расстройство вымотало его душевные и физические силы. Бедняга был готов на всё. Однако когда он увидел деяния доктора, засомневался в эффективности лечения. Док взял в руки огромный красный

фонарь (ржавый и очевидно старый) и начал водить им перед "выхлопным" отверстием больного.

"Вы уверены, доктор?" – робко спросил больной.

"Сто процентов!" – бодро ответил доктор и рассказал, что подобная процедура даже паровозы останавливает. "Не то, что ваш понос, голубчик".

Юмор в том, что раньше доктор работал на железной дороге.

Зачем я это рассказываю? Сейчас станет понятно.

Когда с рёбрами стало получше, я вспомнил о слабительных пилюлях. Принял, как было предписано, сразу три штуки. Обильно запил водой.

Последующие шесть часов стёрлись из моей памяти. Я не мог даже предположить, что внутри меня есть столько всего. И если больной из анекдота страдал долго и томительно, как некрасивая девчонка на деревенских танцах, для меня все "радости очищения" сомкнулись в плотный энергичный стремительный танец. Гопак с присядкой.

– Гопак? – повторил Рыба. – Наглядно. Эспумизан не пробовал?

– Нет, – честно признался я. – Его не оказалось под рукой. Но если бы он был, уверен, он проскочил бы сквозь меня вместе с упаковкой и коробочкой.

Рыба хихикнул и сказал, что я занятый парень.

– Есть в тебе что-то... что-то необычное. – Он глянул ко-

ротко и остро. Неожиданно спросил: – А как ты меня нашел?

Настала моя очередь хихикнуть и, прищурившись, ответить вопросом:

– А ты ещё не понял? Тогда слушай дальше. Тебе будет интересно. Очищение пошло мне на пользу и я с благодарностью вспоминал врача Льва Андреевича. Но заветные таблетки задвинул в самый дальний ящик стола.

Говорят, что побывав на краю гибели, люди начинают ценить жизнь дороже. Ценят дни и ночи, ярче воспринимают краски и вкусы. Близость смерти добавляет контраста, как урчание геликона добавляет музыке басов. Нечто подобное произошло и со мной. Шесть часов непрерывной дрисни явственно показало мне "оборотную сторону бытия".

– Истинно так! – согласился Рыба. – Я всегда знал, что через задний проход информация доходит быстрее.

– Согласен. Но если говорить о физическом самочувствии, то оно не улучшилось. Регулярно случались головокружения (я связывал их с травмой головы), временами дрожали руки, тошнило. Иногда меня "выключало" – минута или две стирались из памяти начисто: вот я спускаюсь по эскалатору в метро, – щёлк! – вот я вхожу в вагон. Что было между этими двумя точками – пустота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.